№ 3 1998

@ 1998 г. В. Л. ЯНИН, А. А. ЗАЛИЗНЯК

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 1997 г.

В 1997 г. новые берестяные грамоты в Новгороде были обнаружены на трех раскопах: Троицком-XI (1 документ), работы на котором начались с уровня рубежа XII—XIII вв. (руководитель П. Г. Гайдуков), Троицком-XII (31 документ), где исследовались напластования конца XII — XIII вв. (руководитель А. Н. Сорокин), и Федоровском-VI (1 документ), где вся толща культурного слоя была полностью изучена на протяжении одного полевого сезона (руководитель Г. Е. Дубровин). Среди берестяных грамот Троицкого-XII раскопа имеется некоторое количество мелких фрагментов, сохранивших лишь жалкие обрывки текста. В настоящую предварительную публикацию они не включены.

Ниже при воспроизведении текстов в квадратных скобках помещены буквы, читаемые неоднозначно (из-за обрывов или из-за плохой сохранности бересты), в круглых скобках — конъектуры издателей. Все приводимые стратиграфические оценки носят предварительный характер.

Лингвистические комментарии даются лишь выборочно: особенности, достаточно известные по другим берестяным грамотам, обычно уже не обсуждаются.

*

Грамота № 776. Троицкий раскоп, 30-е — 50-е гг. XII в. Усадьба Р.

грамота отъ їли ї отъ дъмитра пльсковѫ ко ливинѫ :
ко мостокѣ то ти матьль въ поло гривьнѣ · ложьникє въ цє=
тыри кѫнѣ юбрѫсє въ трьї кѫнѣ заалє єси оу тьшє
трьї кѫнѣ а въ томь шєсть кѫно присъли :
присъли жє мою ї малѫю нитокѫ ѣли нє присолєши
а рѫти та хоцѫ :

В конце строки 3 (после *тьше*) зачеркнуто поло, в начале строки 4 — гривь (т. е. автор начал писать *поло гривьнѣ*, но потом заменил это на *трьї кѫнѣ*). Между *оу* и *тьше* зачеркнута буква *т*.

Перевод: 'Грамота от Ильи и от Дмитра во Псков к ливу Мостке. Итак: плащ [ценой] в полгривны, одеяло в четыре куны, платок в три куны; ты занял у Теши (?) три куны. За это пришли шесть кун. Пришли же и мою малую нитку. Если же не пришлешь, то учиню тебе рубеж (конфискацию)'. Ниткой авторы явно называют низку жемчуга или бус и т. п.; адресат знал, о какой именно низке идет речь.

Можно предположить, что Мостка оставил Илье и Дмитру деньги на покупку плаща, одеяла и платка, причем три куны он занял у Теши, расплачиваться с которым придется тем же Илье и Дмитру. Учитывая реальную цену товаров и этот долг (может быть, также какие-то комиссионные), следует получить с Мостки еще шесть кун.

Перед нами редчайший случай, когда в грамоте указан не только адресат, но и адрес: 'во Псков'. При этом, однако, письмо, адресованное во Псков, найдено в Новгороде. Маловероятно, что письмо осталось неотосланным: такие письма обычно недописаны или не обрезаны. Не исключено, что перед нами черновик или копия, оставленная для себя. Но вероятнее всего то, что письмо привез обратно в Новгород сам адресат — лив Мостка; оно могло играть роль списка заказов, т. е. служить свидетельством того, что он привез всё, что требовалось.

Дмитр — по всей вероятности тот же, которому адресовано письмо № 735 от Якима и Семьюна, найденное на соседней усадьбе И. Лив Мостка — по-видимому, старейший из ливов, названных в письменном документе по имени. Ливы (летописная *либь*) — финно-угорская народность, населяющая побережье Рижского залива. Про ливов известно, между прочим, что в средние века они активно участвовали в торговле.

Написание *отъ Їли ї* — вероятно, вместо *отъ Їлиѣ ї*, т. е. здесь в скоплении гласных пропущен *ѣ* (если предположить здесь словоделение *отъ Їлиї отъ Дъмитра*, возникнут более серьезные трудности: незаконное отсутствие союза и необъяснимое окончание в *Їлиї*).

Чтение *оу Тьше* ненадежно. Мыслимо имя *Тѣша* (гипокористическое от *Тѣхъ*, *Тѣшенъ* и т. п.), ср. топоним *Тешино* [НПК, I: 297]; менее вероятны *Тьша* или *Теша* (гипокористические, скажем, от *Тьмьнъ*, *Теплъ* и т. п.). Но в грамоте нет других примеров смешения *ь* с *ѣ* или *е*, и отрезок *тьше* весьма похож на конечную часть словоформы типа *Пжтьше* или *Ратьше*. Поэтому не исключено, что автор имел в виду какое-то из этих вполне обычных имен (скажем, хотел написать *оу Пжтьше*), но в процессе производившейся в данном месте правки несколько запутался и получилось *оутьше*.

В двух случаях в грамоте представлена несколько неожиданная йотация начальной гласной: *юбржсе*, а не *оубржсе*, и *ѣли* (= *єли*), а не *оли*. Поскольку морфология и синтаксис грамоты не имеют какой-либо книжной окраски, трудно предположить, что *ѣли* — это церковнославянизм, а *юбржсе* — гиперславянизм. Очевидно, йотированные варианты существовали в живом говоре.

Союз *ели* 'если' (также 'или') отмечен в СРНГ [8: 341] с пометой Олон., Беломор., Ленингр., Новг., Твер., Нижегор., Костром., Моск., Калуж., Ворон. (и разные места Сибири).

Что касается *ю* в *юбржсе*, то здесь свидетельство данной грамоты оказывается уникальным. Оно заставляет нас более критически взглянуть на традиционную формулу, согласно которой в правосточнославянском начальное *jу-* (любого происхождения, т. е. как из **ju-*, так и из **jǫ-*) перешло в *у-*. Эта формула практически основана на словах: *угъ* 'юг', *унъ* 'юный', *уха*, *утро*, *уже* (и их производных; относительно заимствованных имен типа *Устинъ*, *Ульянъ* см. [Шахматов 1915: 143]). Современные *юг*, *ю́ный* объясняются как церковнославянизмы. Однако этой формуле не соответствует ряд слов заведомо народного происхождения: *юр*, *юри́ть* 'спешить, волноваться', 'резвиться в воде', *ю́ркий* (и другие производные от *юр-*), *юла́*, *юли́ть*, *юти́ться*, *ю́згаться* 'бороться, состязаться' (олон.), *юзжа́ть* (*южа́ть*) 'визжать', 'плакать' (новг., ворон., тамб.), также укр. *юда́* 'род злого духа', *ю́дити* 'подстрекать', блр. *ю́дзиць* 'хитрить, лукавить', укр. *юга́* 'род сухого тумана в жаркий день' и др. (см. [Фасмер; ЭССЯ, 8]). Поэтому более объективная оценка ситуации состоит в том, что переход *jу-* в *у-* был нерегулярным; он относительно последовательно осуществился лишь в части слов (ср. сходную ситуацию с переходом *jе-* в *е-* и далее в *о-*). По-видимо-

му, как обычно бывает в таких случаях, в разных группах говоров наборы слов, охваченных данным переходом, были несколько различны, т. е. ряд слов фактически испытывал колебания между *ю-* и *у-*. Понятно, что в такие колебания могли втягиваться и отдельные слова с исконным *у-*. Примером этого может служить как раз слово *убрусъ*, где *у-* исконно (по происхождению это приставка *у-*: исходным здесь было **u-bгъsnǫti* 'утереть'; но слово *убрусъ*, по-видимому, уже в древнерусскую эпоху опростилось и потеряло смысловую связь с глаголом).

В северо-западных говорах можно отметить ряд заимствованных слов с начальным *ю-*, которые должны были пройти через фазу колебаний между *у-* (иногда также *гу-*) и *ю-*: *ю́дега* 'иней' (олон.), наряду с *гу́дега* 'густой иней на деревьях' (арх.) — из финск. *huude* 'иней' (< **huudek*), Р. ед. *huuteen* (< **huuteken*); *ю́лега* 'шум, вьюга, ураган' (олон.) — из финск. *ule*, *ulo* 'холодный весенний ветер, туман'; *ю́ра́* 'шило' (новг.) — ср. эст. *ora* 'шило', южн.-эст. *uuŕ* (Р. ед. *uuri*) 'сверло' (см. соответствующие статьи у Фасмера, чьи сомнения по поводу этих слов ныне можно считать излишними).

Колебания между *у-* и *ю-* иногда отмечаются в говорах и в исконных словах: ср. *съ-по ютру* (волог.; см. [Шахматов 1915: 142]); *по юлицы*, *по юлочцы*, *ю мужа*, *ю лужочку*, *ю хату* и др. в белорусских говорах [Карский 1955: 304]. Учитывая все приведенные факты, следует с большей внимательностью отнестись также к многочисленным колебаниям между этимологически правильным *у-* (из **ǫ-* или **u-*) и вторичным *ю-*, которые наблюдаются в древнерусской книжной письменности начиная с XI в., например, *уже* 'веревка' и *юже*, *уза* и *юза*, *уродъ* и *юродъ*, *ужика* и *южика*, *утроба* и *ютроба*, *удоль* и *юдоль*, *угль* и *югль*, *учьрмьнъ* 'красноватый' и *ючьрмьнъ* и ряд других (см. [Срезн.]). Варианты с *ю-* здесь традиционно рассматриваются как церковнославянизмы; но в данном случае ситуация не столь проста, поскольку в старославянском все эти слова выступают как раз без [j], а варианты с *ю-* (*ѭ-*) свойственны именно русской письменной традиции. Обычно здесь предполагают гиперкорректное построение по образцу *унъ* (русское) — *юнъ* (старославянское). Но большое распространение вариантов с *ю-* (*ѭ-*) типа *юза* (*ѭза*), *юродъ* (*ѭродъ*) уже в самый начальный период русской письменности (в Изборнике 1073 г., Пандектах Антиоха, Путятиной минее, Чудовской псалтири и других памятниках XI в.) позволяет предположить, что они опирались не только на механизм гиперкоррекции, но и на возможность вариативной фонетической реализации слов с таким началом.

Для изучения древненовгородской морфологии очень ценно то, что в грамоте прямо противопоставлены окончания И. ед. муж. *-е* при твердой основе (*ложьнике*, *юбржсе*, также перфект *зале*) и *-ь* при мягкой (*матьль*), причем в тексте нет ни одного надежного примера смешения *ь* и *е* (хотя *ъ* и *о* смешиваются). До сих пор для древнейшего периода это противопоставление было засвидетельствовано в сущности лишь одной грамотой (№ 247, где представлено *-е* в *замъке*, *кѣле*, но *-ь* в *господарь*).

Исключительный интерес представляет словоформа В. (жен.) *трьї* (2×). За этой орфограммой в данном случае явно стоит [трьји], т. е. словоформа с тем же окончанием, что в обычном *тр-и*, но с другой основой: [трьј-]. Эта основа возникает как результат переразложения словоформ Р. *трьи* [тр-ьјь] и И. муж. *трьѥ* [тр-ьје]: по аналогии с Р. *четыр-ъ* (и *четыр-ь*) и И. муж. *четыр-е* эти словоформы переосмысляются как [трьј-ь] и [трьј-е]. Далее, по аналогии со словоформами *четыр-и* (В. всех родов), *четыр-ьмъ*, *четыр-ьми*, *четыр-ьхъ* (где основа *четыр-* едина для всей парадигмы) основа [трьј-] обобщается, т. е. заме-

няет собою прежнее *тр-*: на месте *тр-и, тр-ьмъ, тр-ьми, тр-ьхъ* появляются [трьj-и], [трьj-ьмъ], [трьj-ьми], [трьj-ьхъ].

Это явление засвидетельствовано памятниками XIV—XVI вв., когда [трьj-] предстает уже в виде [триj-] или [треj-] (в зависимости от говора и от степени книжности). Ср. *триима путми* (Комисс. НПЛ, под 1435 г.), *вὸ трїехь лицѣхъ* (хронограф конца XVI в., РГБ, ф. 98, № 202, л. 131 об.); ср. также некоторые из примеров, собранных А. А. Шахматовым [1957: 301, 304]: *по трее*ˣ *лѣте*ˣ (Ермолинский летописец, л. 300 об.), *по тѣх триех* (Книги законные XV в.), *под трїе епархиѧ* (В. жен.), *ѿ трею сихъ* (Летопись Авраамки), *во устѣхъ двою или трею свѣдитель* (новгородское евангелие XIV в.). В староукраинских документах XV в. находим Д. *трїемь*, М. *оу трїе*ˣ и даже Т. *трїи* (см. [ССУМ, II: 444]).

Свидетельство грамоты № 776 поразительно тем, что оно на 250—300 лет старше, чем самые ранние из указанных примеров. Очередной раз берестяные грамоты показывают нам, сколь рискованно полагаться в вопросах хронологии на первые фиксации того или иного явления в традиционных памятниках, а также сколь превратно общее представление о том, что аналогические процессы, видоизменяющие древнерусскую морфологическую систему, возникают лишь в позднедревнерусскую эпоху.

С синтаксической точки зрения очень интересна частица *и* в *присъли же мою ї малжю нитокж*. Этот пример проливает свет на определенный тип фраз в берестяных грамотах и других древнерусских памятниках, которые представляются странными или даже малопонятными из-за "лишнего" *и*, стоящего в неожиданном месте.

Основная особенность, отличающая здесь древнерусский синтаксис от современного, состоит в том, что частица *и* в древности шире, чем теперь, использовалась в роли энклитики, причем такой, которая присоединялась к первому члену группы (как, например, *то* в *наш-то Иван* и т. п.). В современном языке частица *и* выступает в такой просодической роли, например, во фразах типа *ему велели, он и поехал*; но чаще *и* функционирует как проклитика (*и ребенку ясно* и т. п.)

Сами значения частицы *и* могли быть различными. Большинство из них существует и поныне; но некоторые свойственны только древнему языку (что́ создает дополнительную трудность в истолковании соответствующих конструкций).

Примеры с обычными и для современного языка значениями частицы *и* (в частности, близкими к 'также', 'даже'): *присъли же мою ї малжю нитокж* 'пришли же и мою малую нитку' № 776; *по дн҃ехъ*ᴶ *и сихъ видѣ Сарра* 'и после этих дней увидела Сарра' (псковская палея 1494 г., л. 105, см. [Каринский 1909: 33]); *Аже дѣеши: «Ты мои еси ѡц҃ь», — а ты мои и сн҃ъ* 'Если ты говоришь: «Ты мой отец», — то и ты мой сын' [Ипат., под 1150 г., л. 152]; *Гюрги намъ кн҃зь и свои* 'Юрий для нас и [есть] собственный князь' [Ипат., под 1149 г., л. 139].

Приведем также замечательный пример такого же *и* в старославянском: *гл҃ѭ вамъ ѣко цркъве ι болˇии естъ сьде* (Зогр. ев., Мт. XII. 6; так же и в Мар. ев.: *цр҃кве ι болˇеи*). Усилительное *и*, столь уместное здесь по смыслу, появилось под пером Кирилла: в греч. оригинале λέγω δὲ ὑμῖν, ὅτι τοῦ ἱεροῦ μεῖζόν ἐστιν ὧδε никакого эквивалента этого *и* нет. Древний перевод сохраняется, например, в Мстиславовом ев. (*цр҃кве и болѥ*, л. 36а), в Милятином ев. (*цр҃кве и боле*, л. 23а). Но в Добриловом ев. находим уже другой порядок слов — такой же, как в современном языке: *гл҃ю же вамъ ꙗко и цр҃кве болѥ ѥсть сде* (л. 54б). В поздних переводах, заново сверенных с греческим оригиналом, *и* вообще устранено;

ср., в частности, *ꙗко црквє бо́ле ѥсть здѣ* в Острожской библии, *ꙗкѡ це́ркве бо́лѣ ѥ́сть здѣ́* в синодальном переводе.

Особое значение древнего *и* — близкое к 'то есть', 'а именно'. Более эксплицитно его можно представить так: *X и Y* — 'X, что есть также Y', 'X, он же Y'. В современном языке частица *и* этого значения уже не допускает. Ныне оно может быть приблизительно передано, в частности, частицей *то* (например, *Иван, друг-то мой* и т. п.). Примеры: (*м*)[*ол*]*и Воньзда шюрина и моега оти выволоци доскь* 'проси Внезда, шурина-то моего, пусть вытащит доски' № 82; *и сь|тоꙗше · вь прабошнѧхъ · въ черевьихъ и вь протоптаныхъ · ꙗко примѣрьзнѧше нози ѥго кь камени* 'и стоял в башмаках, в черевиках-то протоптанных, так что примерзали ноги его к камню' ([Ипат., под 1074 г., л. 72]; пример указан А. А. Гиппиусом).

Значение, близкое к 'а именно', имеет также *и* во фразе: *добре известо изъ дв̃ца и Мр̃ı̃а Г̃ь по плоти м̃три роѡ̆словиᴹ* (псковская палея 1494 г., л. 401 об., см. [Каринский 1909: 34]). В связи с обсуждением данной проблемы А. А. Гиппиусу удалось обнаружить еще два важных примера, где *и* отчетливо значит 'он же': *Того же лѣта преставися Водовикъ и Внѣздъ, посадникъ новгородчкыи, в Черниговѣ* (Комисс. НПЛ, под 1231 г.; в Синод. НПЛ *и* отсутствует); *дѣду его Володимеру и Манамаху* в "Слове о погибели Русской земли'.

Некое ослабленное значение *и* (типа 'вот') можно предполагать в примере: *а даю животное свое получение жене и своеи Федосьи в одерень* ([Марасинова 1966, № 14], поздний список с псковской духовной грамоты XIV—XV вв.).

Ряд слов представляет интерес с лексикографической точки зрения.

Не засвидетельствованное в других источниках слово *либинъ* 'лив' образовано от *либь* 'ливы' так же, как *чюдинъ* от *чюдь*, *лопинъ* от *лопь*, *русинъ* от *русь*, *литвинъ* от *литва* и т. п.

Имя лива — по-видимому, *Мъстъка*. Оно явно восходит к прибалтийско-финскому *musta* 'черный'. Имя *Musta* должно было отразиться в древнерусском как *Мъста* — совершенно так же, как название реки Мсты. Скорее всего *-ък-а* — это уже русский уменьшительный суффикс, присоединенный к имени *Мъста*. Впрочем, не исключено также, что какой-то суффикс с *-k-* имелся уже в прибалтийско-финской форме (ср., например, фин. *mustahko* 'черноватый'). Косвенными свидетельствами существования на новгородской территории антропонима *Musta* служат топонимы: *Мстино селище* [НПК, VI: 478], *Мостинъ Ручей* [НПК, II: 858], *Мустино селище* [НПК, VI: 794]. В первых двух отразилась древняя форма *Мъста*; в третьем представлено заимствование более позднего времени, когда прибалтийско-финское краткое *u* уже передавалось русским *у*.

Мѧтьль — 'плащ'; слово представлено здесь в правильной раннедревнерусской форме (оно встретилось также в более поздней грамоте № 765).

Ложьникъ — 'одеяло' (или какой-то другой покров на кровать, ложе); см. [Слов. XI—XVII, 8: 275].

Глагол *рути* 'подвергать конфискации имущества' встретился, наконец, в берестяной грамоте в бесприставочной форме; ср. *вырути* в грамотах № 246 и 332. Правда, синтаксическая структура в данном случае не совсем такая, как в изученных ранее контекстах. В № 246 мы имели дело с двуместной конструкцией: *вырути кого* (*А*) *въ кого* (*В*) 'конфисковать товар у лица А за вину лица В' (см. [НГБ 1977—83: 173, табл. 8]). В настоящей грамоте мы находим одноместную конструкцию: *рути кого* (причем в качестве объекта здесь явно выступает само виновное лицо). Возможно, в данном случае имеется в виду более прямая ак-

ция, чем в грамоте № 246, т. е. автор угрожает конфисковать товар не у соотечественников Мостки, а непосредственно у него самого (заметим, что для этого ему достаточно просто не отдать Мостке закупленные по его заказу вещи).

Грамота № 777. Троицкий раскоп, 2 пол. XIV в. Усадьба С.

...|-- м[и]ха[лю не росход]...
са про село аче и пр...
--- (гр)[ив]ьнъ ·г· и бол[е] ...

Грамота № 778. Троицкий раскоп, 1 четв. XIII в. Усадьба Е.

а б в г д є ж ꙃ з и ї к л
м н о п р с т оу ф х ѿ ц
ч ш ъ ѣ ж ѫ ю ѧ

Азбука выписана уверенным крупным каллиграфическим почерком. Очевидно, это учебное пособие — изготовленный учителем образец, с которого ученики делали копии.

Обнаружение этого документа существенно пополняет наши представления о древнерусских абецедариях. Вместе с уже опубликованными берестяными азбуками — №№ 591 (1 пол. XI в.) и 460 (посл. четв. XII в.) она входит в единую группу, которую можно обозначить как первый тип древнерусской кириллической азбуки.

Самая ранняя из них (№ 591) отражает первоначальный вид азбук этого типа (если не считать отрезка между з и н, который в № 591 искажен и известен нам лишь по азбукам № 778 и 460). Из двух других азбук ближе к первоначальному виду стоит № 778 (хотя она и относится к чуть более позднему времени, чем № 460).

Важнейшая особенность азбук первого типа — отсутствие ряда букв, реально употреблявшихся в древнерусской письменности (как книжной, так и бытовой). Прежде всего, отсутствует буква ь. Тем самым эти азбуки, подобно текстам с такой особенностью, можно назвать о д н о е р о в ы м и (и более точно — безъеревыми). Кроме того, отсутствуют буквы щ (кроме № 460) и ы. В азбуке № 591 отсутствует также ѡ.

Другую особенность азбук первого типа составляют буквы, стоящие в их конечной части, а именно, между ѣ и ѧ. Эта зона алфавита состоит из трех мест; все они заняты буквами, передающими [у] или [ју], но состав этих букв не вполне стабилен. В № 591 это ж ꙗ ү (зеркальное у, воплощающее ижицу); в № 460 — ж, ю, ү. Из их сравнения непосредственно видна эквивалентность ꙗ и ю.

В азбуке № 778 первый член этой группы — такой же, как в №№ 591 и 460, т. е. ж; на третьем месте стоит не ү, а ю. Возможность такой замены определялась тем, что ижица и ю находились в отношении частичной эквивалентности: ижица могла читаться как *ю*, как *оу* и как *и*.

Но самый большой сюрприз представляет собой буква, стоящая в № 778 в соответствии с ꙗ из № 591 (или ю из № 460). Эта буква имеет вид большого юса без вертикального среднего штриха: ѫ.

Понятно, что, будучи встречено в тексте, такое начертание легко могло бы

быть принято за недописанную (или небрежно написанную) букву ѫ. Но в данном случае оно стоит рядом с ѫ и занимает отдельное место в азбуке. Тем самым не остается сомнений, что в системе азбуки № 778 ѫ — это особая буква.

Встречается ли эта ранее неизвестная славянская буква в текстах? Оказывается, да. Берестяная грамота № 151 (20-е — 30-е гг. XIII в.), от которой сохранился лишь маленький фрагмент, содержит следующий текст: ѫ ви... | ѫ до[м]... Это явно фрагмент долгового списка, состоящего из записей по модели 'у такого-то столько-то', например, 'у Витослава', 'у Домажира' (или какие-то сходные имена). Издатель грамоты А. В. Арциховский пишет с оправданной осторожностью [НГБ 1955: 29]: "Большой юс изображен без средней линии и потому спорен. Но другого толкования этой буквы нет". Мы узнаём из этой грамоты, что буква ѫ читалась (по крайней мере в некоторых случаях или в некоторых школах письма) как [у].

Т. В. Рождественская указала на использование этой же буквы ѫ в древнеболгарской надписи на свинцовом амулете из селения Орешак (округ Варна) [Popkonstantinov, Kronsteiner 1994: 119]. В этом тексте (который, к сожалению, в ряде мест темен) вместо букв ѫ и ѭ последовательно пишется ѫ и ѭ: клѫь сѫ 'я поклялся, проклял' (ѫ вместо ѫ, которое, в свою очередь, стоит вместо ѧ в силу "мены юсов"), мамонтѫ (предположительно В. ед. жен.), ...иѫ (какое-то окончание), вісокѭ (по-видимому, = высокѫ, со смешением йотированного и нейотированного юса).

Болгарские примеры указывают на то, что буква ѫ появилась уже на болгарской почве; на Русь она попала среди прочих разновидностей юсов.

В настоящей публикации нет необходимости рассматривать подробно вопрос об эволюции кириллических азбук и об их соотношении с практикой письма. Подчеркнем лишь, что азбука № 778, относящаяся к началу XIII в., оказалась почти тождественной древнейшей азбуке № 571 (1 пол. XI в.) и тем самым продемонстрировала высокую устойчивость традиционных азбук и их относительно слабую зависимость от реальной практики письма. Мы понимаем теперь, что в обучении грамоте азбука могла играть лишь роль фундамента. Остальное довершала практика: в процессе чтения обучавшиеся убеждались в том, что существуют и некоторые другие, еще не изученные ими буквы. Вероятно, эти дополнительные буквы осваивались разными людьми в разной степени: одни постепенно научались правильно ими пользоваться и включали их в свой активный фонд, другие умели лишь их опознавать.

Грамота № 779. Троицкий раскоп, 1 четв. XIII в. Усадьба Е.

ѿ д[ъбр]...
носъка сьмь[н]...
ноу криль ти єсмь зь[м](лю) ------
скь нє моги са ослоушати

От имени автора, к сожалению, сохранилось только начало; но всё же весьма вероятно, что это, как и в грамотах № 664 и 665, Доброшка. Разница почерков в данном случае мало о чем говорит: исходящие от Доброшки грамоты № 664 и 665 написаны разными почерками, т. е. уже известно, что Доброшка пользовался для написания писем услугами третьих лиц.

Письмо явно начиналось с какого-то императива — скорее всего *заими* (ме-

нее вероятно — *крьни*). Далее шло указание, у кого; наиболее вероятна конъектура ⟨*оу Оѳо*⟩|*носъка* (хотя, конечно, имя могло быть и иным). Последующее *сьмь[н]...* — очевидно, ‹*сѣменъ*› 'семян' или ‹*сѣмена*› 'семена'; должно было быть указано также их количество и/или категория. Конъектуры для ...|*ноу* могут быть различными. Все они, разумеется, не очень надежны. Наиболее привлекательной из них представляется конъектура ⟨*въ полови*⟩|*ноу*: если обычной операцией было *заꙗти въ треть*, т. е. под 33% роста, то в данном случае, когда автору семена требовались срочно (он только что купил землю), он мог пойти и на невыгодный заем *въ половиноу*, т. е. под 50% роста. Не исключено, что он написал что-нибудь вроде *хотѧ си въ половиноу* 'хотя бы и в половину'. Заключительное *не моги сѧ ослоушати*, возможно, связано именно с тем, что адресат мог счесть требуемую от него акцию слишком уж разорительной.

Дальнейший текст ясен; невосстановимо лишь название места (на *-ско*, типа *Глиньско*), где автор купил землю.

Таким образом, с конъектурами разной степени надежности перевод выглядит так: 'От Доброшки (?) [к] ... [Займи (?)] у Офоноска (?) семян [столько-то кадей] ... [хотя бы и под отдачу половины (?)] — я ведь купил землю [в] ...ске. Сделай непременно (букв.: не смей ослушаться)'.

Грамота № 780. Троицкий раскоп, 1 четв. XIII в. Усадьба Е.

графиѧ ...є : сновидє : страшька [:]
по[л]огє

Документ содержит список имен, первое из которых фрагментировано. Значение начального *графиѧ* остается недостаточно ясным. Вдобавок нет полной уверенности в том, что перед нами целый документ, а не второй из двух листов. В последнем случае *графиѧ* могло быть концом какого-то более длинного слова, а могло быть и другое словоделение: ...|*графи ѧ...е* — скажем, от ⟨*изо*⟩|*графи* 'художники'.

Грамота № 781. Троицкий раскоп, 1 пол. XIII в. Усадьба Е.

... | ...[и] а цто сѧ --- содѣє по -о[л]...
...о[л]-цивши кто поєдь [:] а ѧ ...
... конь сѧ охромилъ [б]о...
...ако посли · ожє боуд...
...инєє ко пльсков(оу) ...
...-ором[и]-и[ц]є · обѣд...
...м... ...[в]отѣ шиша [бы]...
...та... ...-омо : и за м-...

Это один из кусков, на которые адресат разрезал большое деловое письмо с тем, чтобы его нельзя было понять. Представляет значительный интерес упоминание Пскова.

Грамота № 783. Троицкий раскоп, 1 пол. XIII в. Усадьба С.

а б в г д є ж ѕ з

Грамота № 788. Троицкий раскоп, 1 четв. XIII в. Усадьба Е.

... | ...ѣ гривьнѣ · а гриди полъ третье
[гривь]н[ѣ] оклада же · [и] добрѣ же ств^{о}р^{о}ѧ нни в ошевъ пра=
ви же лоньскоую гривьноу · къде ти недоемае безьдѣ=
де тъ вѣдаеши

Во второй строке фактически написано *стврѧ нни*; между буквами *в* и *р* втиснуто *о*, между *р* и *ѧ* — еще одно *о*. Таким образом, *стврѧ* исправлено на *створѧ*. Но второе *о* — результат какой-то ошибки; возможно, автор вначале ошибся в том, куда именно надо вставить недостающее *о* в *стврѧ*; менее вероятно, что он имел в виду недостающее *о* в соседнем *нни* (если это вместо *нони*).

Большие трудности связаны с отрезком нниволшевъправи, где даже деление на слова пока еще лишь предположительно. В качестве рабочей версии, по-видимому, может быть принята интерпретация, согласно которой *нни* — это 'ныне', а далее следует *в Ошевъ* (= ‹*Ошево*›) *прави* 'отправь в Ошево'.

Перевод: '... гривны. А гридям (княжеским дружинникам) две с половиной гривны жалованья. И, пожалуйста, теперь (?) в Ошево (?) отправь прошлогоднюю гривну. А где недобирает Бездед, об этом знаешь (*или*: этим ведаешь) ты'.

В грамоте встретилось редкое слово *гридь* (собирательное) 'княжеские дружинники'.

Слово *окладъ* в принципе могло означать как 'жалованье', 'оклад', так и 'обложение', 'раскладка налога'.

Очередной раз встретилось этикетное выражение *добрѣ с(ъ)творѧ* 'пожалуйста', известное уже по целому ряду других берестяных грамот.

Имя *Бездѣдъ* ('не имеющий деда') образовано по древней модели — той же, что в *Безуи*, *Бесынъ* (отразившемся в производном *Бесыньскъ* в грамоте № 761), *Бесънъ* (преобразованном впоследствии в *Бессонъ*), *Безносъ*, *Беспалъ* и т. п. Само имя *Бездѣдъ* встречено впервые, но образованное от него притяжательное *Бездѣжь* встречается в качестве топонима. Так назывался город в Астраханской губернии, упоминаемый в летописях, в частности, в связи с тем, что через него в 1319 г. везли на родину тело убитого в Орде князя Михаила Тверского. То же название носило местечко в Гродненской губернии.

Этот документ содержит весьма ценные сведения о порядке взимания государственных податей с некоторых территорий Новгородской земли на рубеже XII—XIII вв. Нормы взаимоотношения Новгорода и князя, фиксированные в докончаниях XIII—XV вв., закрепляли всю фискальную систему Новгорода за боярской элитой: *Что волостии всехъ новгородьскыхъ, техъ волостии, княже, не держати ти своими мужи, нъ держати мужи новгородьскыми; а даръ, княже, тобе имати от техъ волостии.* Исключение составляли лишь домениальные княжеские земли, где сбор пошлин осуществляли княжеские люди ("гриди"), и некоторые территории, особым образом закрепленные за князем. К числу подобных областей на рубеже XII—XIII вв. относились Великие Луки и примыкающая к ним с севера Ржева, где в конце XII в. новгородцами было учреждено особое княжество, оборонявшее Новгородскую землю от Литвы. Когда в 1198 г. умер сын новгородского князя Ярослава Владимировича Изяслав, летопись сообщила: *Изяслав бяше посаженъ на Лукахъ княжити и от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися* [НПЛ: 44]. Ошевской погост (нынешнее Ашево Псковской обл.), по-видимому, упомянутый в этой грамоте, составлял значительную часть Ржевы.

Грамота № 789. Федоровский раскоп, 1 четв. XII в.

шидовицихъ на нѣгосѣмѣ на рьжьковѣ за=
ти грв҃на шидовицихъ ж домана ж тоудорова и=
згоѩ і҃ коунъ городьцьскѣ вълъцинѣ на рокъıши ѕ҃ коу
въ ламѣ

В третьей строке слова і҃ *коунъ* написаны поверх частично затертого слова гривьна.

Перевод: 'В Шидовичах за Негосемом, Режковым зятем, гривна. В Шидовичах у Домана, Тудорова изгоя, 10 кун. В Городецке (Бежецком) в [волости] Волчине за Рокишем 6 кун в [деревне] Ламе'.

Это долговой список, сходный с берестяной грамотой № 526. Для топонима *Шидовичи* ср. в НПК *Шидовица* [I: 845, 846], *Шидово* [I: 94]. *Городьцьскѣ* — в Городецке Бежецком (ныне Бежецк). *Волчина* — река, приток Мологи, *Волчино* — озеро; но в данном случае, очевидно, имеется в виду прилегающая к ним волость. Топоним *Лама*, по-видимому, не связан с рекой Ламой, на которой стоит Волоколамск.

В грамоте представлена редчайшая для ранних берестяных грамот особенность — использование *ѩ* (*изгоѩ*); это книжная черта. Почерк каллиграфический; профессиональный навык проявился также в написании *коу*.

Отметим беспредложные локативы: *Шидовицихъ* (2×), *Городьцьскѣ*, *Вълъцинѣ*. Различие между *Вълъцинѣ* (без предлога) и *въ Ламѣ* по всей вероятности означает, что один из этих топонимов принадлежал к *а*-склонению (*Лама*), а другой — к *о*-склонению (по-видимому, среднего рода: *Вълъчино*); ср. [ДНД, § 4.7]. Для *Городьцьскѣ* следует предполагать исходную форму *Городьчьско* или *Городьчьскъ*.

Чрезвычайно интересно выражение *Тудоровъ изгои*. Слово *изгои* (от *из-жити*) по своей внутренней форме означает человека, выпавшего ("выжитого") из своего сословия. *Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ из холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а се и четвертоѥ изгоиство и себѣ приложимъ: аще князь осиротѣетъ* (церковный устав Всеволода; см. [Срезн., I: 1052]). Для настоящей грамоты подходит только значение 'выкупившийся холоп': Доман был холопом Тудора, но выкупился на волю. Мы впервые узнаём из этой грамоты, что выкупившийся назывался "изгоем такого-то" — подобно вольноотпущеннику в Греции и Риме.

Все имена, кроме *Тудоръ*, — дохристианские. *Нѣгосѣмъ* — 'любящий семью' (или 'любимый семьей'). Элемент *нѣг-* в составе древних славянских имен хорошо известен, особенно в Новгороде. Напротив, элемент *сѣм-* на восточнославянской почве в составе имен был практически неизвестен; ср. др.-польск. имена типа *Siemomysł*, *Siemowit*, *Siemirad*. *Рокышь* — уникальное имя, по-видимому, родственное словам *рокотать*, *рокот*, а также *рóкша* 'сизоворонка' (птица). *Рѣжько* — вероятно, производное от корня *рѣз-*. Имя *Доманъ* встречается в берестяных грамотах неоднократно.

Грамота очень важна для изучения проблемы формирования территории Новгородского государства. Коль скоро в ней исчислены недоимки из населенных пунктов, расположенных у восточной границы Бежецкой пятины (Шидовичи — к югу от Вышнего Волочка, Волчина, впадающая в Мологу на границе с Бежецким Верхом), и сам Бежецкий Верх (центром которого был Городецк, а селение Лама обнаруживается против устья Волчины на городецкой стороне), очевидно,

что эти территории были освоены новгородскими государственными пошлинами уже к началу XII в. Это обстоятельство выясняется впервые.

Грамота № 793. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

(… |) … (о)[вьс]а съ возъ и вези же въ село ко ра=
… [оу] и[ль]кѣ оу полюжа старостѣ аче ти са
… …ти а [с]амъ не мо[г](и) … (| …)

Перевод (с конъектурами): '… [наложи (?)] овса с воз и вези в село к Ра…, [сложи (?)] у Ильки, Полюдова старосты. Если же [он будет возражать (?)], то ты сам не смей [ничего сказать (?)]'. Предположительная реконструкция конца грамоты основана на аналогии с грамотой Смол. 12 (см. [ДНД, Б 33]), которая кончается так: *чи ти поченете* (*ч*)*етъ лести*(*ти*) …, *а не мъзи четъ* (*м*)*ълъвити* 'если же он начнет как-либо хитрить …, то не смей ничего сказать'.

Тем же почерком написана грамота № 806.

Грамота № 794. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

+ отъ петра к[ъ] маренѣ щи ти пъц[ь]=
не князь кѹпьцѣ надѣливати а=
щи ти присъле къ тъбѣ а ты емѹ м=
ълъви ты княже вѣдаешь цьт(ъ)
мѹжь мъ[р]е зимѹси възале т[ъ] --|…

Перевод: 'От Петра к Марене. Если станет князь наделять купцов и пришлет к тебе, то ты ему скажи: «Ты, князь, знаешь, сколько мужей мор этой зимой унес …»'. Впрочем, не исключено также, что после *вѣдаешь* шло относительное предложение с *чьт‹о›* … *т‹о›* … («Ты, князь, знаешь: сколько мужей мор этой зимой унес, столько …»).

Заметим, что словоформа И. ед. *мъре* (= ‹*море*›) в др.-новг. диалекте была двусмысленна: это и 'мор', и 'море'. Версия 'сколько мужей море этой зимой унесло' на первый взгляд вполне согласуется с упоминанием о купцах. В действительности, однако, эта версия неприемлема: не говоря уже о том, что зимой морской путь в Новгород (через замерзающий Финский залив) был закрыт, словоформа *възале* (а не *възало*) однозначно указывает на подлежащее мужского, а не среднего рода.

Вероятно, автор письма — это тот же Петр, который послал на усадьбу В грамоту № 550 (письмо к Овраму). Но если это так, то по крайней мере одно из этих писем Петр писал не сам: почерки не совпадают. Марена — явно тот же, что в грамоте № 798.

Представляет интерес наречие *зиму-си* 'этой зимой', где указательный элемент имеет необычную форму *-си* (ср. *-се* в *сьде-се*, *сьдѣ-се*).

Имя (или прозвище) *Марена* — то же, что отмеченное у Даля [I: 298] *марена* (малоросс.) 'чучело, которое носят при встрече весны, 1 марта, по улицам и поют веснянки'. Это производное от *мара́* 'наваждение', 'призрак', 'привидение', 'род кикиморы', *ма́рить* 'одурманивать' и т. п. Отзвук слова *марена* в новгородской зоне — *день Маремья́ны-кикиморы* (в народном календаре: день 17 февраля по старому стилю; см. [СРНГ, 17: 371], с пометой Новг.).

Грамота № 795. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

(... |) ... ко фоме ... (| ...)

Публикуем здесь этот ничтожный обрывок из-за имени адресата. Из того же стратиграфического горизонта в свое время была извлечена берестяная грамота № 671 с именами Фомы, Климяты, Торки, Бориса, Тверьши, Степана, попа, Черьмьна, Сбыслава, соответствующими дворовладельцам раскапываемого участка, которая была трактована как список участников соседской братчины. Фома тогда был предположительно отождествлен с упоминаемым в летописи Фомой Доброщиничем [НПЛ: 53, 252, 446]. Обнаружение в том же комплексе грамот, связанных с Доброшкой, подтверждает справедливость этого предположения.

Грамота № 797. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

ѿ отъ дъ[м] отъ ди м [д] д

Автор, которого явно звали *Дъмитръ*, упражнялся в написании адресной формулы. Выписав ѿ, он предпочел заменить его на *отъ*. Написав *отъ Дъ*[*м*] (буква *м* не закончена), он решил назвать себя более официально — *Димитрии* и написал *отъ Ди*. В конце строки — орнаментальная сетка из штрихов, в которую вставлены буквы *м* и *д* (явно из имени автора).

Грамота № 798. Троицкий раскоп, 2 пол. XII в. Усадьба Е.

(покла)[н]ание ѡ завида къ т[е]--(-)=
кѣ оу котораго ти сыноу вьр[ь]=
шь повели оти въдада дат=
ть маренѣ оже а придоу ти въ=
дaж[ь] опать вьрьшью же
и покланаю ти са

Перевод: 'Поклон от Завида к ... (возможно, к тетке). Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене, поскольку я приду и ты тогда отдашь (очевидно, своему сыну) (*букв.*: отдай) назад зерном же. Кланяюсь тебе.' Марена — несомненно тот же, что в № 794.

В конце третьей строки у автора не уместилось слово *дать*: буква *т* уперлась в самый край грамоты. Очевидно, автор привык делать перенос только по слогам, поэтому он вписал на следующую строку графический слог *ть*; но лишнее *т* осталось незачеркнутым.

Отметим Р. ед. u-склонения *сыноу* (до сих пор форма Р. ед. от слова *сынъ*, важная для грамматики, в берестяных грамотах раннедревнерусского периода не встречалась).

Основная фраза письма — превосходный пример архаического типа относительного предложения: *оу котораго ти сыноу вьр*[ь]*шь, повели* ... (с опущением слова *томоу*). Отметим отсутствие связки. Множ. число словоформы *въдада* не согласовано с *сыноу*, а определяется непосредственно смыслом: 'пусть отдадут' (сын может отдать зерно и не сам).

В предложении *ти въдаж*[ь] *опать вьрьшью же* выступает союз *ти* 'то', 'тогда', который, в отличие от частицы *ти*, в новгородских берестяных грамотах встречается очень редко.

Слово *дать*, по-видимому, означает здесь 'подать', 'дань' (по морфологической структуре ср. *подать*). До сих пор оно было отмечено только в церковных контекстах (в значении 'даяние', 'дар'; см. [Срезн., I: 635]).

Грамота № 799. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

... | рѣзана въ середоу на рыба-
хъ ӏ҃: въ патьницоу на
рыбахъ ӏ҃ на смолѣ вӏ҃
оушькъ положена коуна
ж радатѣ не възато полъ
третьѣ гривьнѣ

Перевод: '... [за то-то] резана. В среду за рыб 10 (вероятно, резан); в пятницу за рыб 10.' Последующий отрезок недостаточно ясен. Конец: 'У Радяты не взято две с половиной гривны.'

В срединном отрезке слова *на смолѣ*, вероятно, означают 'за смолу'; но не исключено и понимание 'за Смолой' (где *Смола* — имя собственное). Неизвестно значение слова *оушькъ* (т. е. «ушек»); это может быть, в частности, товарно-денежная единица или просто какой-то вид товара. Наконец, *положена* может означать либо 'полагается', либо 'положена на сохранение', 'отложена'. Таким образом, в принципе здесь возможно несколько различных интерпретаций, в частности: 'За смолу 12 (подразумевается: резан). «Ушек» полагается на куну'. Или: 'За смолу 12 «ушек». Отложена куна'. С грамматической точки зрения несколько более вероятно первое, поскольку в древненовгородском диалекте в эту эпоху значение '12 ушек' скорее было бы выражено как *12 оушька*, а не *12 оушькъ*.

При всей неоднозначности толкования этого текста упоминание в нем сумм, положенных в среду и пятницу за рыб, ориентирует его на нормы "Покона вирного", в котором вирникам назначается пониженное довольствие в постные дни: *а в средоу коуна ѡже сыръ, а в пятницоу тожде*.

Грамота № 800. Троицкий раскоп, 2 пол. XII в. Усадьба Е.

...[в]оу : але ти с[а є]с[ь]мь за погосто : аци цьто ми ... | ...

Перевод: '[От ... к] ...ву. Я поручился (взялся отвечать) за погост. Если что-нибудь мне ...'

Грамота № 803. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

(поклан)[а]ние · о[тъ брат]илѣ · къ за...
...[тв]е ти полотьскѣ д... (| ...)

Сохранившаяся часть документа составилась из двух маленьких фрагментиков, найденных примерно в 4 м друг от друга; их единство было обнаружено не сразу.

Адресат грамоты — почти наверное Завид (на *За...* начинаются только имена *Завидъ* и *Захарьꙗ*); естественно видеть в нем то же лицо, что в № 665 и 798. Имя автора (*Братила*) читается, к сожалению, не совсем надежно.

Написания *Братилѣ* и *Полотьскѣ* позволяют думать, что в этой грамоте *ѣ* не заменялось на *е*. В этих условиях на *...тве* могут оканчиваться, по-видимому, всего лишь две др.-новг. словоформы: И. ед. муж. *мьрьтве* и *чьрьстве*. Отсюда единственная правдоподобная конъектура: ⟨*мьрь*⟩[*тв*]*е ти Полотьскѣ Д...* 'умер вот в Полоцке Д...' Типовой структуре берестяных писем такое начало соответствует очень хорошо; ср. начала типа *Гюрьги ти дошьле* (в № 165), *сторови ти есме вохе* (в № 670) и т. п. Относительно *мьрьтве* в значении 'умер' см. [ДНД: 421—422].

Это уже третье упоминание Полоцка и полочан в берестяных грамотах (после № 502 и 636).

Грамота № 804. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е. Грамота отрезана от того же куска бересты, что № 797 (но почерки не совпадают).

> **отъ незнанъка къ рюрѣ хоцеши ли платити ·ѕ҃· гривьнъ али не хочеши а поеди въ городъ**

Перевод: 'От Незнанка к Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай [на суд] в город'.

Оба имени встречены впервые. *Незнанько* — уменьшительное от *Незнанъ* (ср. *Неданъ* и т. п.). *Рюрѧ* — явно уменьшительное от *Рюрикъ*. До сих пор имя *Рюрикъ* (из скандинавского, ср. др.-исл. *Hróðrekr* < прагерм. **Hrōđa-rīkaz* 'славой могучий') встречалось в древнерусских источниках только в качестве княжеского. Грамота № 804 показывает, что по крайней мере в Новгороде этого ограничения не было.

Грамота № 805. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

> **...|люч(е) [х]ото(сла)[в]лю [з]емлю [к]ром[ѣ т]р[ь]--------**
> **ож[е] (т)[и] съв[ь]р[ь]ж[е](ть) [шиш]акъ рало посъли же с=**
> **--- (на) [жит]ищ(е) ----- (от)[р]окомъ оти орють орогъ**
> **а ѧ пьшеничю · пр(а)[вл]ю · а отрок- [о]же ти шишакъ**
> **гонить [·] посади же въ радъко[в](ѣ) [в]ежькѣ**

Сохранившаяся часть письма собрана из целой серии фрагментов, найденных по отдельности. Левая часть первых двух строк не примыкает к остальному массиву вплотную; поэтому величина разрывов здесь определяется лишь приблизительно.

В предпоследней строке после *отрок* виден краешек горизонтального штриха; он допускает как реконструкцию *отрок*[*ѣ*], так и *отрок*[*ы*].

В первой строке без труда читается 'Хотославову землю, кроме Тре... (*или*: за пределами Тре...)'. Хозяина этой земли Хотослава, вероятно, можно отождествить с Хотеславком (или Хотеславцем), которому адресовано письмо № 654, найденное на усадьбе Г. Буквы *люч-* в начале строки — может быть, конец словоформы *заемлюче* 'захватывая' или *ѿемлюче* 'отнимая'. Не исключено, например, что какие-то люди пахали, захватывая при этом часть Хотославовой земли (т. е. нарушая межу).

Во второй строке читается: 'Если же сбросит Шишак рало, то пошли ...' По аналогии с известной по Русской Правде (ст. 20) формулой *а оже съвержеть*

виру 'а если сбросит с себя виру (т. е. освободится от виры, отведет от себя необходимость ее платить)' следует понимать, что *рало* здесь — не 'плуг', а 'поралье', 'налог с плуга' (как в грамоте №663). Речь идет, таким образом, о том, что Шишак может в ответ на какие-то предписываемые адресату действия (скорее всего карательного свойства) отказаться платить поралье; возможно, это просто значит, что он откажется далее сидеть на этой земле. Адресат в этом случае должен послать *с---* (может быть, *соху* — 'небольшую крестьянскую общину'?) на *житище*, т. е. поле из-под ячменя, и велеть "отрокам" пахать лощину. Дальнейший текст сохранился почти целиком: 'А я пшеницу пришлю. А отроков если Шишак начнет гнать, то посади [его] в Радкову башенку'. Последняя, как можно полагать, могла при необходимости использоваться в роли тюрьмы.

В графике и в морфологии автор так близок к книжным стандартам, что новгородское происхождение грамоты проявилось только в цоканье (*пьшеничю*) и в *к* (а не *ц*) в [*в*]*ежькѣ* (двусмысленное *отрок-* не в счет).

Отметим употребление презенса *гонить* в значении будущего времени: *оже ти гонить* 'если же будет гнать'; аналогично *правлю* 'пошлю', 'пришлю'.

Слово *житище* (от *жито* 'ячмень') в говорах известно: *жи́тище* 'подсечная нива из-под сжатого ячменя', 'поле, с которого убрано жито' Олон., Новг., Калин., Петерб. [СРНГ, 9: 190].

Слово *орогъ* встречается впервые. Очевидно, это то же, что диалектное (северо-западное) *о́рга* 'болотистое топкое место', 'лощина, овраг между горами, холмами' (и ряд близких значений) — [СРНГ, 23: 330] (с пометами Арх., Олон., Ленингр., Север., Волог.); см. также [Слов. XI—XVII, 13:62]. Слово заимствовано из карельск. *orgo* 'влажная долина, низина' (финск. *orko*, эст. *org*), см. [Фасмер, III: 149]. Известно также производное *о́рожный* (о дереве) Олон. [СРНГ, 23: 345]. Варьирование *орга* — *орогъ* скорее всего связано с возможностью исчезновения конечной гласной в самих прибалтийско-финских диалектах. Наряду с *о́рга* известен также вариант *во́рга* (с вторичным *в*), см. [СРНГ, 5: 98, Слов. XI—XVII, 3: 29, Фасмер, I: 351]. В связи с этим представляет интерес слово *во́рог* 'овраг' Осташк. [СРНГ, 5: 108]: возможно, оно связано не с *враг* 'овраг', а именно с *орогъ*, представленным в настоящей грамоте.

В написании *орогъ* интересную проблему составляет второе *о*. Заимствование из *org-* (не слишком древнее) должно было дать *оръг-*. Возможно, *орогъ* — это и в самом деле лишь форма записи для ‹*оръгъ*›. Однако других замен ъ на *о* в грамоте нет, поэтому более вероятно всё же, что за этим *о* стоит настоящее [o]. Это либо просто результат прояснения сильного ъ, либо особый тип уподобления сочетания *оръ* полногласному *оро* (как, например, в слове *уборокъ* 'мера зерна' < *уборъкъ*, у которого в Синодальном списке Русской Правды [и многих других списках] Р. мн. имеет вид *уборковъ*). Различить эти две возможности можно было бы лишь при наличии какой-то косвенной формы, скажем, Р. ед. *оръга* (*орга*) или *орога*.

Слово *отрокъ*, по-видимому, имеет в настоящей грамоте несколько иное значение, чем в большинстве других берестяных грамот, где так обозначается младшее должностное лицо. Поскольку в данном случае отроки должны пахать лощину, скорее всего речь идет о какой-то категории зависимых от адресата крестьян.

Вежька — уменьшительное от слова *вежа*, имевшего целый ряд значений, в частности, 'шатер', 'палатка', 'легкая постройка', но также и 'отдельно стоящая постройка вообще' и специально 'укрепленная постройка', 'башня'.

Имя (прозвище) *Шишакъ* встречается впервые. Лишь на четыре века позже отмечено нарицательное *шишакъ* 'островерхий шлем'. В древнерусскую эпоху в этом значении засвидетельствовано только *чичакъ* (в частности, в берестяной грамоте № 358, сер. XIV в.) и *чечакъ*. Характер связи между *шишакъ* и *чичакъ* (*чечакъ*) остается проблематичным (ср. [Фасмер, IV: 355, 445]). Не исключено, что прозвище *Шишакъ* ассоциировалось не с шлемом, а со словами *шишь*, *шишька*.

Грамота № 806. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

Два срединных фрагмента (соответствие строк лишь предположительно):

...єзє [ж]...
мєнє борисє ѧ повѣжь є[м](оу) ... ...ѧ...
[х]от[ѧ] · ѧ поуст... ... отъ стєпана къ [б]є...

Фрагменты конечной части грамоты:

то жє ѧ даѧло коу(н)...
ѧ братє єго добр... ...оу ѧ ж[и]------- з[ѧ](слѧ)ло въ пого=
стъ въ въхъ то [с]... ...(гри)вьнѣ ѧ по пол(оу цєтвь)рьтѣ н(ѧ) мѣсачь

Из первых фрагментов извлекаются в основном лишь имена: Борис, Степан, чей-то брат Добр... (Доброшка?). Но заключительная фраза письма в общих чертах понятна: 'А Жи... (может быть, Жирослав) заслал в весь погост такое [слово (?): «... столько-то] гривен — по три с половиной на месяц».'

Представляет чрезвычайный интерес отрезок *въ пого|стъ въ въхъ* (сохранившийся, к счастью, без утрат). *Въхъ* здесь бесспорно означает 'весь'. Это очередной пример *х* (а не *с*) в данной основе, но, кроме того, свидетельство раннего перехода *вьхъ* в *въхъ* (ср. В. ед. *животъ ... вохъ* в грамоте 1412 г. — [ДНД: 576]. Очевидно, этот переход представлял собой ассимиляцию корневого [ь] последующему [ъ].

Грамота № 808. Троицкий раскоп, посл. четв. XII в. Усадьба Е.

стьпанє
бьрьвьнъ

Наиболее вероятная интерпретация: 'Степан Бревно' (имя и прозвище). Менее вероятны: 'Степаново бревно' (ярлычок); 'Степан — бревно'.

*

Помимо берестяных грамот на Федоровском раскопе был найден круглый плоский слиток свинца с началом азбуки (= **свинцовая грамота № 2**), палеографически датируемый 2 половиной XII в.:

а б в г д
є ж ѕ з и і к

Там же в слое XII в. обнаружен деревянный цилиндр с надписью:

...|рє въ ·є
гривн

На Троицком-XI раскопе в слое середины XII в. усадьбы Р найден фрагмент деревянной чаши с надписью:

· [а]къшина · ѡри·ни(на)

Это владельческая надпись: хозяевами дома были Якша (т.е. Яков или Яким) и Орина.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Даль — *В. И. Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1955.

ДНД — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. М., 1995.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.

Каринский Н. М. 1909 — Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.

Карский Е. Ф. 1955 — Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 1. Исторический очерк звуков белорусского языка. М., 1955.

Комисс. НПЛ — Комиссионный список Новгородской I летописи.

Марасинова Л. М. 1966 — Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966.

НГБ 1955 — *А. В. Арциховский, В. И. Борковский.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958.

НГБ 1977—83 — *В. Л. Янин, А. А. Зализняк.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.

НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I—VI и указатель. СПб., Пг., 1859—1915.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

РГБ — Российская Государственная библиотека в Москве (ранее: ГБЛ).

Синод. НПЛ — Синодальный список Новгородской I летописи.

Слов. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—. М., 1975—.

Срезн. — *И. И. Срезневский.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—. М.; Л., 1965—.

ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV—XV ст. Т. 1—2. Київ, 1977—1978.

Фасмер — *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.

Шахматов А. А. 1915 — Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

Шахматов А. А. 1957 — Историческая морфология русского языка. М., 1957.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1—. М., 1974—.

Popkonstantinov K., Kronsteiner O. 1994 — Старобългарски надписи. Altbulgarische Inschriften // Die Slavischen Sprachen. Bd. 37. (Salzburg), 1994.

* Работа выполнена при финансовой поддержке INTAS/РФФИ (проект № 95-0368) и РГНФ (проект № 96-01-00567).